научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 327

Проблемы применения концепции «либерального мира» в российских исследованиях

СМИРНОВА Александра Александровна

преподаватель,
кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия,
alexandrasmirnova11@gmail.com

Ключевые слова:
исследования проблем мира
мирные исследования
паксология
иренология
Россия
либеральный мир
Оливер Ричмонд
Йохан Галтунг
российские подходы к миру

Аннотация:
Статья посвящена перспективам применения концепции «либерального мира» для анализа особенностей российского подхода к проблемам мира. Для этого в статье описывается краткая история развития исследований проблем мира и особенности подхода современных ученых к этой проблематике. Важность исследования объясняет сильное влияние европоцентризма и властных отношений на определение понятия «мир», а также методов его достижения. Обращение к проблематике «либерального мира» продиктовано востребованностью данной концепции в рамках критических мирных исследований. В работе используется предложенная О. Ричмондом концепция «либерального мира», составными элементами которого являются «мир победителя», «конституционный мир», «институциональный мир» и «гражданский мир». В статье предпринимается попытка применить эту концепцию для анализа российских политических явлений, а также рассматриваются сложности и перспективы поиска альтернативного русского подхода к проблемам мира.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

Исследования проблем мира

Нестабильность современного миропорядка заставляет задуматься не только о ценности мира, но и снова задаться вопросом «что такое мир?». В современном общественном дискурсе под «миром» зачастую подразумевается некий недостижимый идеал отсутствия насилия в международных отношениях и внутри государств. Представители школы мирных исследований склонны рассматривать «мир» не как статичный факт или идеал, а как процесс и политику акторов, с помощью которой можно оказывать влияние и даже управлять другими акторами. Поэтому «мир», его определение и реализация становятся важной исследовательской повесткой дня, а изучение проблем мира являются актуальными в наше время.

При этом необходимо отметить, что направления «peace research» или «peace studies»[1] не имеют общепринятого перевода на русский язык. Ситуацию усложняет и то, что слово «мир» в нашем языке имеет несколько значений, включая мир как «совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве», «население земного шара», а также мир как «согласие, отсутствие вражды, ссоры,

войны» [19; 358]. В российской научной литературе «peace studies» наиболее часто переводится как «исследования проблем мира»[2] или «мирные исследования»[3]. К сожалению, оба варианта перевода не решают проблему многозначной трактовки термина.[4] Другой термин, «иренология» (от греч. Eirnene — мир), который также использовался для обозначения мирных исследований, казалось бы, должен был решить эту проблему. Однако он не получил широкого распространения, несмотря на его использование некоторыми исследователями [17]. А. И. Умнова замечает, что значение слова «иренология» известно только узким специалистам, в то время как исследуемый предмет является широким и с трудом идентифицируемым. Для решения этой проблемы исследовательница предлагает использовать слово «мирология», которое бы сразу ассоциировалось с наукой о мире. [35; 9]. Однако термин «мирология» у многих может ассоциироваться с христианской трактовкой этого термина. Ещё одним «не прижившимся» названием дисциплины стал термин «паксология» (от лат. Pax — мир и греч. logos — слово, учение), использующийся в советских [8] и современных [5] работах.

В данной статье используются два наиболее распространенных варианта перевода «peace studies» как «исследования проблем мира» или «мирные исследования», при этом они являются взаимозаменяемыми.

Сторонники мирных исследований [50], [44] отмечают, что человечество развивало теоретические и практические подходы к миру в течение длительного времени. Тем не менее, в большинстве стран этим достижениям не уделяется достаточное внимание в силу доминирования концепций «жесткой» безопасности, военного противостояния и роли великих личностей в истории. Мир рассматривается как временное явление, своеобразное исключение из правил.

Интересную аналогию проводит Йохан Галтунг, основатель международного Института исследований проблем мира в Осло, сравнивая мир со здоровьем человека. Так, построение мира за счет ликвидации насилия, как и лечение болезней, нацелено на уменьшение страданий человека. Существуют общеизвестные правила для поддержания здоровья: «негативные» — лечение заболеваний и предупреждение инфекций и «позитивные» — ведение здорового образа жизни, укрепление иммунитета. Однако, как замечает ученый, аналогичные правила по установлению и сохранению мира не популяризируются. Весьма распространенную практику убийства «злых» врагов и спасения исключительно соотечественников Галтунг сравнивает с кровопусканием — старым, опасным и неэффективным методом. В качестве решения этой проблемы Й. Галтунг предлагает обучение правилам «гигиены конфликта», которые входят в его теорию мира [44; 22—25]. Данная аналогия зачастую использовалась и другими исследователями [55] для объяснения приоритета мира над политикой.

Идея мира играла первостепенную роль и в появлении такой дисциплины как «теория международных отношений». Именно идеализм стал первой теорией, в рамках которой предполагалось найти способы реформирования международной системы для предотвращения войн и построения мира. Первой кафедрой, изучающей международные отношения, стала Кафедра международных отношений им. В. Вильсона, открытая в 1919 г. в г. Аберистуит (Уэльс).

Существуют разные точки зрения по поводу времени зарождения мирных исследований. Большинство ученых склонны полагать, что мирные исследования возникли в 1950-х гг. С самого начала дисциплина характеризовалась многодисциплинарностью и стремлением к комплексному анализу проблем войн, конфликтов, насилия и мира. Большая часть первопроходцев (Й. Галтунг, К. Боулдинг, Э. Боулдинг и др.) имела отношение к антивоенному активизму — движению против ядерного оружия, поддержке «отказников» от военной службы, протесту против военных действий. Еще одной важной характеристикой являлось признание ценности мира и ненасилия. Для того чтобы дистанцироваться от идеалистов первой половины XX в., исследователи проблем мира основывали свои работы на позитивистской методологии, соединении теории и конфликтологической практики, количественных исследованиях и моделировании.

Интересно, что американские и европейские направления еще на раннем этапе демонстрировали различный подход к исследованиям: в США большее развитие получил системный анализ конфликтов, войн и гонки вооружений, в то время как в Европе, благодаря более благоприятному политическому контексту исследователи могли сконцентрироваться на изучении «мира» и преодолении конфликтов. Самым влиятельным представителем европейской школы мирных исследований является Йохан Галтунг, автор таких существенных понятий, как «негативный мир» и «позитивный мир», «структурное насилие», «культура мира» и «культура насилия». Й. Галтунг является сторонником преодоления (transcend) конфликтов ненасильственными методами, в частности, посредством диалога.

В течение всей холодной войны исследовательская повестка дня включала проблемы разоружения и контроля над вооружениями, разрешения конфликтов и ядерные стратегии государств.

В 1970-х гг. мирные исследователи направили свои усилия на изучение взаимодействия стран Севера и Юга, проблем глобального неравенства и социальной справедливости. Окончание холодной войны совпало с внедрением новых, постпозитивистских методологий и расширением трактовки понятий мира и безопасности. Исследователи мира смогли изучать проблемы гендерных и этнических отношений, деятельность негосударственных акторов, вопросы продовольственного обеспечения и конфликты на мировом Юге ([42; 64—69], [46]).

Редакторы Журнала исследований проблем мира (Journal of Peace Research) в 2014 г. отметили, что на сегодняшний день востребованными темами мирных исследований остаются споры о «либеральном мире» (liberal peace), который был основан на концепции «демократического мира». Актуальность сохраняют изучение стоимости вооруженных конфликтов, анализ войны и ее связь с территорией, этничностью, идеологией и природными ресурсами. Набирают популярность исследования терроризма, прав человека, ненасилия и окружающей среды. Редакторы также отмечают постепенный отказ от этатизма в анализе мира и конфликтов, что позволяет аналитикам уделять большее внимание внутригосударственным конфликтам и более детально изучать вовлеченные стороны [43].

На сегодняшний день перед мирными исследованиями стоит ряд трудностей: сохраняющаяся сложность изучаемого предмета (мира, насилия, культуры мира), зависимость исследований от центров финансирования и различные сложности развития данной дисциплины за пределами западных стран.

Согласно П. Лоулеру, одной из важнейших проблем мирных исследований является идентичность данной дисциплины. Так, из-за своей многодисциплинарной направленности, которая была свойственна этому направлению с самого начала, мирные исследования не всегда было легко отличить от таких дисциплин как социология, антропология, постколониальные исследования и исследования в сфере безопасности. На современном этапе эпистемология и методология во многом совпадают с критической теорией международных отношений и критическими исследованиями безопасности. Можно согласиться с П. Лоулером в том, что мирные исследования отличаются от остальных течений изучением идей пацифизма и ненасилия, а также активным продвижением идей «негативного» и «позитивного» мира. [46]

История российской школы мирных исследований (ШМИ) обстоятельно освещается в монографии А. А. Сергунина «Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности». Исследователь утверждает, что «даже в самые тяжелые годы «холодной войны» зарубежная ШМИ была именно тем неформальным каналом, по которому шли контакты и обмен идеями между политическими и академическими элитами Востока и Запада» [31; 43]. Однако вплоть до окончания холодной войны советские исследования имели мало общего с работами зарубежных коллег, так как вопросы мира изучались в контексте марксизма-ленинизма. После окончания холодной войны исследователи смогли применять зарубежные подходы для анализа международных и этно-конфессиональных конфликтов, миротворческих операций, а также был написан ряд работ с целью популяризации ключевых концепций мирных исследований [31; 42—45].

Пожалуй, наиболее значимой работой стал труд международного коллектива «Долгий путь российского пацифизма» [7], в котором предпринималась попытка рассмотреть российскую историю через призму мира и пацифистских движений. На сегодняшний день проблемы миротворчества и пацифизма изучаются преимущественно историками [18], [7] и философами [11], [5]. В рамках теории международных отношений можно найти работы, посвященные известной концепции «демократического мира» [37], которая является одним из элементов «либерального мира». Насколько известно автору, концепция «либерального мира» никогда не применялась в российской литературе для изучения российских политических явлений.

Любопытно, что в советский период предпринимались попытки критического осмысления западных концепций мира. Так, В. И. Мальков в своей диссертации, посвященной критике буржуазных концепций мира, писал: «…известно, что идеи, овладев массами, превращаются в материальную силу. Буржуазная «наука о мире» […] поставляет общественному сознанию подобные идеи» [15; 13]. При этом ученый писал о необходимости идеологической борьбы «против ложных идей и теорий мира», связывая эту борьбу с вопросами безопасности. Безусловно, «ложными» признавались идеи, противоречащие ленинскому учению о мире и войне [15; 16—30].

В отличие от приведенной выше диссертации, данная статья направлена не на противопоставление российского взгляда на мир зарубежному, а на поиск сходств и особенностей российского подхода к этому вопросу.

Концепция «либерального мира»

Поскольку роль «либерального мира» в мировой политике является одной из самых

востребованных тем в современных мирных исследованиях, интересна возможность применения данной концепции для изучения российской политики и истории. Наиболее глубокий анализ либерального мира осуществляется в рамках критических мирных исследований.

На первый взгляд, проблематика «либерального мира» выглядит следующим образом. Представления о «либеральном мире» сформировались благодаря философии эпохи Просвещения, развитию рационализма и индивидуализма. Немаловажными являются и вера в прогресс, свободный рынок, права человека и активное гражданское общество. В современном контексте «либеральный мир» ассоциируется с сочетанием демократии, свободного рынка, процветания, веберианского государства и международного права. Основной целью «либерального мира» провозглашается предотвращение насилия. Представления о «либеральном мире» легли в основу международного права и деятельности международных организаций (Лига Наций, ООН, Совет Европы и др.), которые определяют архитектуру гармоничных международных отношений. В качестве примера успешности концепции «либерального мира» часто приводятся мирные отношения стран Европейского союза. Данное видение мира превалирует в научной литературе и общественном дискурсе, а основные идеи «либерального мира» провозглашаются «западными» игроками[5], благодаря их лидирующему положению в системе международных отношений.

Представитель критических мирных исследований Оливер Ричмонд добавляет, что наряду с вышеупомянутыми ценностями «либеральный мир» включает в себя идеи интервенций, принуждения, а также консенсуса основных «западных» игроков. Сторонники критических мирных исследований фокусируют внимание не только на материальной гегемонии развитых стран (интервенция, эксплуатация, оказание выборочной военной помощи), но и на гегемонии в сфере идей и дискурсов [53]. Теоретики утверждают, что ведущие западные акторы обладают превосходством в определении того, каким должен быть истинный мир, какие действия и акторы являются легитимными, кто является жертвой конфликта, какие понятия следует использовать для характеристики ситуации и т.д. [54].

Ключевыми западными акторами, влияющими на коллективное определение «либерального мира», считаются сильные либеральные государства, государства-доноры, либерально-настроенные международные организации и НПО. При этом исследователи признают, что эти акторы не одинаковы и могут иметь разные представления о правильной политике и мире, однако схожие ценности и видение угроз позволяет акторам действовать на основе консенсуса. Для описания этого нюанса М. Расмуссен предложил применить концепцию философа Джона Сёрла о коллективной интенциональности [48; 10]. Возможность внедрения «либерального мира» за пределами западных стран остаётся одним из дискуссионных вопросов.

Изучая идеи и структуру «либерального мира», О. Ричмонд определил его четыре основных составляющие, это: «мир победителя», «конституциональный мир», «институциональный мир» и «гражданский мир». Ричмонд отмечает, что данное деление может привлечь исследователей международных отношений к анализу современной формы мира.

«Мир победителя» (victor’s peace) является самой древней моделью мышления о мире. Он основывается на реалистской трактовке мира как следствия военной победы. Победитель использует своё превосходство для принуждения к миру и поддержания статуса-кво. Слабостью «мира победителя» является его относительная нестабильность из-за прямой связи с могуществом государства-победителя. В этом контексте существует возможность возникновения недовольства гегемонией и, как следствие, могут происходить восстания и теракты. Негативной чертой «мира победителя» является игнорирование проблемы структурного насилия. Ричмонд замечает, что современное политическое мышление по-прежнему во многом основывается на логике «мира победителя».

«Конституционный мир» (constitutional peace) подразумевает установление правил и норм для международной системы и функционирования государств. В контексте либерального мира конституционный элемент предполагает создание норм, устанавливающих демократический строй, правила свободной торговли и продвижение идеи космополитизма и прав человека. Ричмонд связывает конституционный мир с развитием идей эпохи Просвещения о структуре международных отношений (проектов «вечного мира») и поиске баланса интересов между акторами. В современном контексте «конституционный мир» предполагает обязательную связь между рыночными демократиями и наличием мира, что вызывает предвзятость исследователей и политиков по отношению к мирным процессам в недемократических или некапиталистических государствах.

Институциональный мир (institutional peace) связан с учреждением международных институтов и организаций, а также деятельностью государств-доноров по сохранению мира и порядка в системе международных отношений. Идеи институционального мира, как и конституционного, связаны с

ценностями эпохи Просвещения. Здесь можно добавить, что нормы конституционного мира и мирные институты не всегда просто разграничить, поскольку нормы и правила также являются социальными институтами. Предполагается, что данное видение мира является более прогрессивным, поскольку институты позволяют более слабым государствам влиять на международную ситуацию. Не следует забывать, что и конституционный, и институциональный мир легко сочетаются с миром победителя, поскольку победитель может устанавливать правила и создавать международные институты с целью стабилизации своей власти.

Четвертое направление мысли в контексте «либерального мира» — «гражданский мир» (civil peace). Он предполагает ненасильственную борьбу организованного гражданского общества, НПО и общественных движений. В контексте «либерального мира» подразумевается гражданская мобилизация против войн и насилия, дискриминации или угнетения, а также поддержка международного сотрудничества и разоружения. Оливер Ричмонд отмечает, что данная стадия понимания проблематики мира является наиболее поздней. Сторонники «гражданского мира» зачастую выступают с критикой государственной деятельности, обвиняя правительства в милитаризме и неоправданном ведении военных действий. Капиталистические государства обвиняются в ангажированности действий и наличии меркантильных интересов в мировой политике. Слабой стороной данного видения «мира» является его уязвимость к воздействию «про-государственных» дискурсов.

Ричмонд замечает, что разные акторы склонны поддерживать разные типы трактовки мира. К примеру, деятельность ООН основывается на «институциональном мире», а политика США на «мире победителя» и «конституционном мире». Многочисленные неправительственные организации занимаются продвижением «гражданского мира». Государства-доноры, такие как Великобритания, Япония, Канада и Норвегия, являются сторонниками сочетания «гражданского мира» и «институционального мира» [50; 52—90], [51; 51—57], [53].

Стоит добавить, что идея «гражданского мира» имеет поддержку со стороны исследователей человеческой безопасности (human security), представителей критических направлений изучения мировой политики: исследований безопасности (critical security studies) и исследований проблем мира (critical peace research).

Сторонники концепции человеческой безопасности и «гражданского мира» солидарны в том, что индивид является самым важным субъектом международных отношений. Они также поддерживают стремление общества к построению благоприятных условий для жизни и предотвращению прямого и структурного насилия. Представителей критических мирных исследований и критических исследований безопасности объединяет концепция человеческой эмансипации[6], а также стремление представить альтернативы системам гегемонии и доминирующему дискурсу, формируемому в интересах властных элит.

При этом необходимо заметить, что «гражданский мир» основывается на таких «западных» ценностях как индивидуализм, активное гражданское общество, политический плюрализм и демократия, что заставляет О. Ричмонда сделать оговору, что, возможно, «гражданский мир» является завуалированной версией «мира победителя» [51; 56]. Стоит отметить, что распространение «западных» ценностей сочеталось с европейским колониализмом и, позднее, победами в мировых войнах и холодной войне западных стран, которые придерживались либерального политического курса. Исследование закономерностей миротворчества после холодной войны Бригз, Майер и Томпсона продемонстрировало корреляцию между внутренней организацией обществ и их миропорядком, которые эти общества хотят видеть [48; 88—89].

В качестве решения проблемы представители критических парадигм предлагают найти подходы, которые могли бы избежать европоцентризма и претензий на универсальность, а также смогли бы раскрыть более сложную природу мира и конфликта. В связи с этим применение концепций «либерального мира» к России представляется актуальным.

Обращаясь к теме «либерального мира» нельзя не упомянуть и другие, смежные концепции, используемые О. Ричмондом, а именно «гибридный мир» и «виртуальный мир». Отчасти создание этих концепций является реакцией на, пожалуй, самый большой вызов для либерального видения мира, а именно миротворческие и миростроительные операции в государствах мирового Юга. В большинстве случаев попытки установления демократических институтов не увенчались успехом, интервенции под эгидой ООН содействовали лишь временному «замораживанию» конфликтов.[7] Это заставляло исследователей и политиков пересматривать подходы к восстановлению мира. К примеру, усилия миротворцев были отныне направлены на построение не только негативного (прекращение огня), но и позитивного мира (сотрудничество и интеграция обществ).

Понятие «виртуального мира» было введено Ричмондом для анализа построения демократических институтов в постконфликтных обществах мирового Юга. Это понятие основывается на предположении, что «демократический мир» в развивающихся странах является виртуальным конструктом, который создается внешними западными силами (в частности, политиками и СМИ) для влияния на собственные аудитории [51; 69].

Понятие «гибридного мира» появилось вследствие борьбы с проблемой неустойчивости мира в постконфликтных обществах. Исследователи пришли к выводу о необходимости учета местного контекста и отказа от одностороннего воздействия Запада. Понятие «гибридного мира», таким образом, предполагает сочетание миротворческой практики международных либеральных институтов с местными традициями и нормами в постконфликтных обществах. В данном случае международные институты могут оказывать поддержку местным акторам, в роли которых могут выступать местные торговые связи, благотворительные фонды, женские движения, общественные движения и неправительственные организации. Данный подход, который применялся на практике в миротворческих и миростроительных операциях в Восточном Тиморе, Руанде, Афганистане и других странах, представляется более «демократичной» альтернативой классическому либеральному дискурсу. Предполагается, что привлечение местных общин и сочетание миротворчества с местными традициями, способствует построению более устойчивого мира [52].

Стоит отметить, что данный подход не избежал критики. Так, Н. Сутахаран и Д. Рэмптон предупредили о возможности превращения данного подхода в инструмент влияния внешних сил, заинтересованных в упрощенном встраивании в либеральный миропорядок общностей, которые принципиально отличаются своим политическим, культурным и общественным строем. Этот механизм построения мира напомнил исследователям логику управления империей. Сутахаран и Рэмптон также обратили внимание на такие проблемы как признание местных акторов в зависимости от их соответствия западным стандартам, чрезмерная романтизация общественных отношений на локальном уровне и игнорирование властных отношений (в частности, влияния национальных и международных дискурсов на локальный уровень и народные традиции). Кроме того, ученые обвиняют данный подход в воспроизводстве дихотомий, которые чрезмерно упрощают проблематику мира (международный/локальный, западный/восточный, современность/традиционность, принуждение/сопротивление и т.д.).

Наконец, критикуя идею «гибридного мира» ученые напоминают, что исследователи мира сталкиваются с «парадоксом либерализма», согласно которому, как замечает Миира Сабаратнам, «либеральный мир» считается инструментом угнетения одних стран другими, но при этом он представляется единственным истинным инструментом эмансипации» [54].

В данной статье не предпринимается попытка применения концепций «гибридного» и «виртуального мира» для анализа российского опыта. Во-первых, формат статьи накладывает определенные ограничения. Во-вторых, данные концепции, как правило, применяются для анализа отношений, складывающихся в результате интервенций западных стран и миротворческих операций. Особенности положения России в иерархии международных отношений и ее история осложняют возможность применение этих концепций в тех целях, для которых они создавались. Однако можно предположить, что если немного изменить эти концепции, то «гибридный мир» можно применять для анализа вестернизации в России и изучения западных институтов, которые появились после окончания холодной войны. В контексте мирных исследований можно применить эту концепцию для анализа «культуры мира», существующей в России, и сочетания прав человека с местными традициями. Несколько измененную концепцию «виртуального мира» можно было бы использовать для изучения информационного освещения конфликтов и их трансформации в России и мире.

«Либеральный мир» в российском контексте

«Мир победителя» в России[8], как и на Западе, является самой древней политической концепцией. К примеру, историк Я. Н. Щапов, изучая древнерусские летописи XI—XIII вв., обратил внимание на 4 доминирующих взгляда на войну и мир.[9] Все четыре дискурса считали победоносные войны политическим успехом князей, в то время как миротворческие инициативы практически не удостаивались похвалы летописцев и самих князей [7; 14—17]. Представление о важности сдерживания агрессии и принуждения к миру посредством силового преимущества сохранялось на протяжении истории.

Примерами российского «мира победителя» в международном контексте, могут считаться те международные и региональные системы, которые образовались в результате заключения мирных соглашений после побед России, и стабильность которых поддерживалась за счет российского силового

преимущества. К примеру, в Венской системе международных отношений Российская империя была в числе «великих держав», которые стремились стабилизировать межгосударственные отношения и противодействовать распространению революций. Многие специалисты склонны считать биполярное противостояние СССР и США во время Холодной войны более стабильным периодом с точки зрения количества и масштабности конфликтов, чем время после Холодной войны [32]. Наконец, нельзя не упомянуть российскую политику на постсоветском пространстве, в рамках которой Российская Федерация выступала в качестве гаранта соблюдения условий перемирия (Сочинское соглашение 1992 г., Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане в 1997 г.) и способствовала прекращению огня (к примеру, в Приднестровье в 1992 г.). Можно предположить, что в современном политическом контексте «мир победителя» сочетается с дискурсом о многополярном мире [3], [9] и необходимости обеспечения безопасности в близлежащих регионах [26], [33; 12—13].

Идеи, находящиеся в основе «институционального» и «конституционного мира», стали активно обсуждаться в среде российской интеллигенции во время эпохи Просвещения. Во многом под влиянием идей европейской философии эпохи Возрождения российские интеллектуалы начинают анализировать войны с этической стороны (И. Турбойский, С. Полоцкий, М. Ломоносов), и размышлять на тему «вечного мира» между государствами (Р. Щебриков, В. Малиновский, Я. Козельский и даже А. Пушкин), обращаться к теме международного права (С. Е. Десницкий). В то же время философы критикуют негуманное отношение государства к подданным, абсолютизм и эксплуатацию крестьян (Н. Радищев) [28], [29].

Говоря о российском «институциональном мире», нельзя не упомянуть созданный по инициативе Александра I «Священный союз», который помимо своей реакционной функции должен был внести в международные отношения религиозный аспект миротворчества, для того, чтобы "людям жить аки братиями, не во вражде и злобе, но в мире и любви" [16]. Ещё одной немаловажной миротворческой инициативой Российской Империи стала организация в 1899 г. первой Гаагской мирной конференции, посвященной проблемам разоружения, развития международного права, создания постоянно действующего третейского суда. Как замечает В. М. Хайцман, на инициативу Николая II, помимо прагматических соображений, оказало влияние распространение литературы об опасностях войны, в особенности работа И. Блиоха «Будущая война и её экономические последствия» [36]. Гаагская конференция была позитивно (хотя не без серьезной критики [18] встречена общественным пацифистским движением в России и Европе. Нельзя не упомянуть и «новое политическое мышление» М. С. Горбачева, которое предполагало построение международных отношений на основе приоритета общечеловеческих ценностей, деидеологизации внешней политики, баланса интересов, и создания европейской системы коллективной безопасности («общеевропейского дома»), что привело бы к снижению роли НАТО и ОВД и повышению роли СБСЕ ([4; 137—165, 199—219], [24]).

Интересным примером дискурса об «институциональном мире» является инициатива Д. А. Медведева 2008 г. о заключении всеобъемлющего договора о коллективной безопасности в евроатлантическом регионе, что привело бы к созданию единого пространства безопасности без разделительных линий «от Ванкувера до Владивостока» [6]. Предложение предусматривало сотрудничество в сфере безопасности ОБСЕ, ЕС, НАТО, СНГ и ОДКБ [27; 10]. К данной инициативе МИД РФ периодически возвращается [26]. Наконец, нельзя не отметить заявления о заинтересованности России в эффективной работе ООН, поскольку предполагается, что данная организация может способствовать преодолению однополярного мира [3]. Представляется, что на решение этой задачи нацелено и сотрудничество в рамках ШОС и БРИКС.

Для понимания специфики «конституционного мира» в России, необходимо определить, какие нормы и законы, с российской точки зрения, делают государство мирным. В советские годы «конституционный мир» в рамках марксисткой идеологии предполагал ликвидацию частной собственности, свержение буржуазии и построение социального порядка по примеру России (от последней идеи СССР позднее отказался в силу сложности реализации). В то же время, как отмечает с А. А. Сергунин, с точки зрения марксизма, насилие считалось «повивальной бабкой истории» [31; 43], поэтому сегодня сложно соотносить советский дискурс, оправдывающий насилие, с общепринятыми представлениями о мире.

В рамках текущего законодательного устройства Россия формально переняла либеральное представление о «конституционном мире»: этой модели внутригосударственного устройства соответствуют нормы Конституции РФ 1993 г., в которой в качестве высшей ценности признается человек, его права и свободы, а Россия признается демократическим правовым государством. Россия по западному образцу становится капиталистическим государством, членом ВТО. Существует право на

альтернативную гражданскую службу, действует мораторий на смертную казнь, при Президенте РФ функционирует Совет по развитию гражданского общества и правам человека.[10] В официальных документах допускается использование государством военных мер только после исчерпания всех остальных инструментов ненасильственного характера, предусматриваются только оборонительные военные действия [2; ст. 5 и 18], эти положения соответствуют концепции эпохи Просвещения о «справедливых» и «несправедливых войнах».

Что касается российского видения архитектуры международных отношений, пожалуй, главным отличием от классического либерального дискурса является больший партикуляризм и приоритет невмешательства во внутреннюю политику суверенных государств. Этот подход позволил М. С. Горбачеву рассуждать на тему «нового мирового порядка» [48], где капиталистический и социалистический блоки были бы равноправны. В современной России этот подход позволяет отвечать на критику в свою сторону и в отношении государств, не соответствующих западным стандартам [12].

Проблематика «гражданского мира» отличается, а зачастую даже противоречит вышеупомянутым концепциям мира. Так, к примеру, в русских средневековых повестях, былинах, сказках и песнях можно найти изображение мира как всеобщего счастья, а имеющие власть главные герои стремятся к миру и гармонии с окружением. Сохранились и древнерусские пословицы, свидетельствующие о критическом отношении к войне, например, «войну хорошо слышать, да тяжело видеть» [28; 59].

В контексте «гражданского мира» интерес представляют и так называемые «крестьянские миры», образующиеся между крестьянами по разные стороны государственных границ. Условия децентрализации власти позволяли крестьянам относительно легко переходить границу, развивать отношения и вести торговлю на приграничных территориях. Так, согласно Й. Кокконену между крестьянами российской Карелии и Финляндии, восточному владению Швеции до 1809 г., существовали договоренности касательно поведения во время войн, взаимной торговли, обращения с преступниками. В XVI в. и вовсе появляется институт соглашения о приграничном мире, который предусматривал меры предотвращения вражды между жителями приграничных территорий и процедуры разрешения конфликтов в мирное время [45].

Пожалуй, главной фигурой, повлиявшей на «гражданский мир» на рубеже XIX—XX вв. является Л. Н. Толстой, который разработал христианское учение о непротивлении злу насилием, вдохновляясь идеями буддизма, деятельностью квакеров, литературой о христианских мучениках и книгами американских проповедников непротивления (У. Л. Гаррисон, А. Баллу). Помимо пропаганды ненасилия, Л. Н. Толстой был критиком государственного угнетения, социального неравенства и лицемерия православной церкви, за что был от нее отлучен. Учение Толстого о непротивлении оказало большое влияние на мышление активистов и интеллектуалов по всему миру, в их число входили: Махатма Ганди (Индия), Минна Кант (Финляндия), Ромен Роллан (Франция), Эрнест Кросби (США), Жайме де Магалхаес (Португалия), Рока Токутоми и Санэацу Мусянокодзи (Япония) и многие другие. Активисты в 8 российских губерниях, а также в США, Чили, Англии, Японии и других странах основывали общины, действующие на основе толстовских идей. Наконец, благодаря сподвижникам Толстого в России и за рубежом, его работы публиковались и распространялись в среде крестьян [38]. Известно также, что Л. Н. Толстой был космополитом, полагая, что государства и войны в будущем исчезнут, и занимался популяризацией «золотого правила» нравственности, которое, по мнению Толстого, было свойственно всем народам. Помимо этого, Толстой на практике помогал сектам, движениям и частным лицам, исповедовавшим доктрину непротивления.

80-летие Толстого стало поводом для самоорганизации в начале XX в. российских обществ мира по образцу западных движений этого толка. Вплоть до своего роспуска, представители весьма малочисленных обществ мира выступали за продвижение международного права, создание международного суда, просвещение населения и развитие гражданского общества. Эти объединения также стремились к «международной социализации» России и развивали отношения с английскими, французскими и даже немецкими пацифистами [10]. Еще одним, более поздним миротворческим движением стала деятельность группы «Доверие», образованной интеллигенцией в 1982 г. Целями объединения провозглашались установление доверия между СССР и США, развитие народной дипломатии между Востоком и Западом, привлечение граждан к принятию внешнеполитических решений и сокращение военных бюджетов [34].

В России на «гражданский мир», как и в западных странах, повлияло движение «отказников» от воинской службы. В российской истории они были представлены различными религиозными движениями, среди которых были: меноните, квакеры, адвентисты и духоборы. Последние появились в России, и наиболее известны своим демонстративным сожжением оружия в 1895 г., после чего часть

духоборов была репрессирована, а часть (благодаря помощи Толстого) эмигрировала в Канаду, где продолжила устраивать антивоенные акции, заниматься благотворительностью и продвигать народную дипломатию с Россией. Нельзя не упомянуть и пацифистскую деятельность Толстовского движения и Объединенного Совета религиозных общин и групп (ОСРОГ), которые вплоть до 1930-х гг. защищали права «отказников» по мотивам совести и публиковали обращения к правительству и народу [22]. В качестве более современных примеров этого направления можно назвать марши против военных действий в Афганистане, Чечне и Украине, деятельность образованного в 1989 г. Комитета солдатских матерей, Сообщество «Гражданин и армия» и др.

Примерами «гражданского мира» в военный период могут считаться и деятельность Российского общества Красного Креста, благотворительных организаций, а также индивидуальных активистов. К примеру, Т. А. Павлова в своем исследовании о М. Волошине доказывает, что этот человек боролся с войной не только в публицистике. Волошин на практике осуществлял принципы миролюбия и ненасилия, спасая во время гражданской войны «красных от белых и белых от красных» [21].

Изобретение ядерного оружия и гонка вооружений также не могли не повлиять на гражданское видение мира. Пожалуй, наиболее яркой фигурой в это время становится А. Д. Сахаров, который связывал международную безопасность с защитой прав человека и необходимостью социально-экономических реформ [30]. Можно также отметить Пагуошское движение ученых, которое существует и сегодня. Благодаря формальной поддержке советского Комитета защиты мира население СССР имело возможность приобщиться к международному антиядерному движению и принять участие в антиядерных маршах. Вторым важным направлением стал протест представителей поколения «шестидесятников» против войны и насилия тоталитарного государства. Примерами деятельности этого движения можно считать антимилитаристскую литературу, «самиздат», выступления и протест против введения войск в Чехословакию. Представителем этого направления считается и А. И. Солженицын, который продемонстрировал опасность государственного насилия. Наконец, следует упомянуть и движение по защите прав человека в 1960—1970-е гг., в рамках которого граждане отправляли обращения не только представителям советской власти, но и международным организациям, например, ООН, Международному съезду психиатров в Мехико, Международной лиге прав человека. Заключительный Акт СБСЕ привел к образованию Московской хельсинской группы, которая пыталась содействовать реализации гуманитарных статей Акта.[11] [1; 185—196] Благодаря данному направлению, русское видение мира приобретает более широкую трактовку, начинает включать социально-экономические аспекты и противодействие структурному насилию.

В то же время очевидно, что гражданские движения за мир в России во все периоды были малочисленными и не пользовались поддержкой широких слоев населения. Т. А. Павлова это связывает с обилием войн в российской истории, трагической судьбой большинства пацифистов, а также с тяжелым экономическим положением в стране, скептицизмом по отношению к общественным движениям и частым проецированием культуры насилия в СМИ [22; 36—39].

Представляется, что на сегодняшний день российский «гражданский мир» можно соотнести с деятельностью специализированных и правозащитных организаций, различных благотворительных фондов, некоторыми видами парадипломатии, а также деятельностью рядовых граждан, участвующих в антивоенных акциях и публично высказывающих свою позицию.

Если соотнести все четыре составляющие «либерального мира» в России, можно предположить, что в российском дискурсе о мире на современном этапе наиболее сильно выражены «мир победителя» и «институциональный мир», в то время как представления о «конституционном» и «гражданском мире» являются неоднозначными, а их реализация — затрудненной. На это влияет по-прежнему существующее структурное насилие, и оправдывающая его культура насилия в общественном дискурсе [20], [25].

Сложности и перспективы поиска альтернатив «либеральному миру»

Изучение «либерального мира» и его составляющих частей может помочь получить более полное представление о взаимодействии идей о мире и их реализации на всех уровнях системы международных отношений. Эта концепция фокусирует внимание на вопросах гегемонии в мировой политике, его результатах и важности поиска более справедливых альтернатив доминирующему дискурсу. В то же время существуют сложности, связанные с трактовкой этого доминирования, а также связью «либерального мира» и западных стран.

В частности, не решен вопрос универсальности «либерального мира». «Парадокс либерализма» продолжает существовать по ряду причин. Во-первых, мы обладаем несовершенными сведениями о примерах устойчивого мира в разных регионах и разные исторические эпохи. Во-вторых, не все региональные акторы имеют достаточный авторитет и возможности (которые имеются, к примеру, у

западной науки и международных организаций) для распространения собственных ключевых понятий и критериев мира. Изучение «незападных» контекстов также имеет свои трудности. Критические теоретики, большая часть которых занимается наукой в западных странах, стремятся изучать мир с точки зрения угнетенных слоев населения. Однако обладая нормативными предпочтениями, исследователи могут выбирать из «незападных» культур идеи, которые будут свидетельствовать об универсальности ценностей, на которых частично основывается «либеральный мир». Так, например, представитель критических исследований безопасности К. Бут указывает, что «хорошим идеям свойственно путешествовать», и приводит примеры распространенности в разных культурах важных идей для его проекта более справедливого мира: просвещения и самосовершенствования, сообщества и эмансипации [42; 38, 111—138].

Существенно отличается подход Йохана Галтунга к этой проблеме. Если большая часть теоретиков считает «либеральный мир» и «западные» ценности лучшей основой для развития (как минимум) западных стран, то Галтунг полагает, что некоторые элементы восточной специфики имеют большую ценность для построения мира, чем западная культура. Наиболее ярким примером является характеристика коллективизма как элемента культуры, который в правильном контексте способствует миру благодаря сильной эмпатии между индивидами, что может облегчить построение «позитивного мира», сотрудничества и диалога. Индивидуализм Галтунг связывает со склонностью к жесткой иерархии, насилию и доминированию, эти качества делают наиболее вероятным развитие лишь негативного мира [44; 36—45].

На тему «западной» природы мира актуальна статья Пинар Билгин, посвященная видению международных отношений вне «Запада». Исследовательница критикует изначальную ориентацию теоретиков на поиск кардинальных отличий от Запада в «незападном мире». Билгин приводит мысль Х. К. Бабы о том, что мышление за пределами запада является схожим, но имеет ряд нюансов. Исследовательница обращает внимание на ряд важных вещей. С одной стороны, ученые зачастую недооценивают вклад «незападных» акторов в формирование либерального дискурса. К примеру, такие понятия как «модернизм», «культура», либерализм зародились в «незападных» странах. Эти моменты не учитываются теоретиками международных отношений, и, таким образом, воспроизводится дискурс о «либеральном мире», который конструирует роль третьего мира как пассивного реципиента западных ценностей. Помимо этого, П. Билгин показывает на примере Индии и Турции, что «незападные» государства и акторы могут использовать «западные» концепции, такие как «национальная безопасность» и «модернизация» для достижения независимости от западных стран и недопущения интервенций в будущем. Исследовательница пишет о сложности выявление «западной» или «незападной» природы ключевых понятий, в силу взаимодействия акторов и дискурсов на протяжении истории [41].

Многие современные исследователи [49], [41] и др. приходят к пониманию необходимости детального анализа представлений разных акторов о мире, они подчеркивают важность изучения и продвижения открытого и равноценного диалога между культурами и цивилизациями. Русская интерпретация мирных процессов может содействовать формированию более полного представления о мире как явлении. Для этого исследователю нужно ответить на вопросы о том, в чем выражена российская специфика, и какие факторы ее определяют. В то же время нельзя забывать, что мы едва ли можем говорить о существовании единого общероссийского дискурса о мире. Также, следует заметить, что для изучения мирных процессов можно пользоваться уже существующими теориями и понятиями, например, концепцией «либерального мира», а можно стремиться к поиску или созданию собственных концепций, которые будут более адекватно характеризовать разные контексты.

Выявление русских подходов к миру является непростой задачей для отечественных исследователей, поскольку большую роль могут играть личный опыт, убеждения и среда (И. Нойманн назвал это состояние «домашней слепотой» (home blindness) [47; 64]. С точки зрения А. Пензина, проблемой российских общественных наук по-прежнему является их «постколониальное» состояние, т.е. стремление либо к мимикрии (подражании западному образцу), либо к изоляционизму (поиску аутентичных корней, мифов, героических преданий) [23; 346—347]. Российские исследователи не застрахованы и от так называемой «ловушки релятивизма» — необходимости делать моральный выбор в пользу дискурсов тех или иных акторов, рискуя при этом проигнорировать потребности других действующих лиц. [49; 259] Наконец, следует с осторожностью относиться к возможности «социальной инженерии».

Перспективам создания российской теории международных отношений посвящена статья А. П. Цыганкова. В этой работе исследователь упоминает три интеллектуальные традиции,

существовавшие в России на протяжении веков: «западничество», «державничество» и «третьеримство». При этом отмечается, что на развитие всех трёх направлений влияли западные идеи. Можно согласиться с А. П. Цыганковым в том, что: «Оптимальным для России является путь диалога с доминирующими и критическими направлениями международной теории на Западе и на Востоке. Особенно важно соизмерять русские размышления о мире[12] с западными концепциями и теориями, поскольку последние являются наиболее систематизированными и аналитически развитыми» [38]. Исследователь предлагает формулировать собственные концепции на основе российской философской и политической мысли, и даже религиозных представлений о ценностях в международных отношениях [38].

Если говорить о мирных исследованиях, то можно предложить обратиться к философским воззрениям Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, Н. А. Бердяева, А. А. Гусейнова и других. Многочисленные конфессии на территории России также содержат идеи о мире это, например, идеи пацифизма и ненасилия в христианстве, «шанти» и «ахимса» в буддизме, внутренние поиски мира в исламе и индуизме и т.д. Не менее полезным для исследования русских взглядов на мир являются анализ общественных дискурсов, практик и обрядов, а также изучение роли образования и символов в продвижении мира.

В заключение следует сказать, что основным источником сложностей применения концепции «либерального мира» в российском контексте является отсутствие очевидных альтернатив данному взгляду на мир. Этому может быть два объяснения.

Первое заключается в гегемонии западных акторов и, как следствие, доминировании дискурса о «либеральном мире» как единственно истинном. В данном случае концепция «либерального мира» может применяться для анализа только западных и схожих с ними государств. Особую сложность «незападные» страны могут испытывать в контексте «конституционного мира», который очень похож на концепцию демократического мира, и анализ России это подтверждает. В данном случае для изучения таких стран как Россия необходима формулировка принципиально иных концепций или же поиск способов интеграции РФ в западное сообщество.

Вторым возможным объяснением является универсальность представлений о мире (в понятиях «либерального мира»), поскольку элементы этой концепции зачастую развивались в «незападных» контекстах независимо. Также, вероятно, что на окончательное формирование понятия «либерального мира» повлиял обмен идеями между разными цивилизациями. В таком случае необходимо изучение роли России в формировании мирового дискурса о «либеральном мире», например, выявление влияния толстовства в начале XX в. или роли СССР в формировании дискурса о новом мировом порядке. Также, актуальным является анализ «гибридности» русской миротворческой идеи и небольших отличий между отечественными и мировыми подходами к миру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л. М. Движение за права человека // Опыт ненасилия в XX столетии: Социально-этические очерки / под ред. Р. Г. Апресяна / Л. М. Алексеева. М.: Аслан, 1996. С. 182—203.
2. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015).
3. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (2007) [Электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015)
4. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира / М. С. Горбачев. М.: Издательство политической литературы, 1988. 271 с.
5. Громова Е. А. Миротворческий дискурс в отечественной социально-философской мысли начала XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. № 2. 2013. С. 143—150.
6. Договор о Европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы / под. ред. М.В. Братерского и С.В. Кортунова. М.: МГУП, 2011. 200 с.
7. Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997.
8. Жуков Е. В. Идеологическая борьба по вопросам войны и мира в современных условиях // Военная мысль №6. 1988. [Электронный ресурс]. URL: http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1988-vm/8224-ideologicheskaja-borba-po-voprosam-vojny-i-mira-v , свободный. (Дата обращения 14.12.2015).

9. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2014) [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/46860, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
10. Илюхина Р. М., Сдвижков Д. А. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. (становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 179—201.
11. Кашников, Б. Н. Пацифизм, необходимая война и террор. Три доктрины русской философско-правовой мысли [Электронный ресурс]. URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1524, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015).
12. Лавров С. В.: РФ закрепит принцип невмешательства во внутренние дела стран // РИА новости. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/politics/20151002/1295014616.html, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
13. Литовкин Н. В. Сложная простота военных расходов [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-06-05/1_sipri.html, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015).
14. Макарычев А. С. Пространственные характеристики трансграничной безопасности: концептуальные подходы [Электронный ресурс]. URL: http://www.policy.hu/makarychev/rus8.htm, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
15. Мальков Виктор Иванович. Критика буржуазных концепций "мира": теоретические основы, политическая сущность, социальная роль. Л.: 1983. 405 с.
16. Мельникова Л. В. Александр I и создание Священного союза [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2008/Melnikova.pdf, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015).
17. Мунтян М. А. Основы теории международных отношений. Учебное пособие. М: Изд-во МАБиУ, 2006. 164 с.
18. Николаев Н. Ю. Л. Н. Толстой и Гаагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2 (18). С. 17—23.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП». 2006. 944 с.
20. Олейник А. Н. Русская власть: конструирование идеального типа // Политическая концептология № 1, 2010. [Электронный ресурс] URL: http://politconcept.sfedu.ru/2010.1/08.pdf, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
21. Павлова Т. А. «Всеобщий примиритель» (тема войны, насилия и революции в жизни и творчестве М. Волошина) // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 245—261.
22. Павлова Т. А. Исторические судьбы российского пацифизма // Вопросы истории. № 8. 1999. С. 28—42.
23. Пензин А. В. «Затерянный мир», Или о Деколонизации Российских Общественных Наук // Ab Imperio. № 3. 2008. С. 341—348.
24. Полынов М. Ф. «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 1. 2012. С. 84—89.
25. Поляков Е. М. Структурное и прямое вооруженное насилие: мировые тенденции и особенности России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 15 (186). 2014. С. 175—183.
26. Постановление Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Об актуальных вопросах внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/activity/documents/56149, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
27. Проект договора о европейской безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/6152, свободный. (Дата обращения: 10.12.2015).
28. Пушкарев Л. Н. Думы о мире в русском фольклоре и в общественной мысли XVII-XVIII вв. // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 57—72.
29. Рудницкая Е. А. Идея мира в русской общественной мысли XIX века. // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 72—88.
30. Сахаров А. Д. Открытое письмо президенту академии наук СССР А. П. Александрову [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_40.html, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
31. Сергунин А. А. Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности: Монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, 2003. 94 с.
32. Степанова Е. Государство и человек в современных вооруженных конфликтах // Международные процессы". Т. 6. № 1. 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intertrends.ru/sixteenth/003.htm, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).

33. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
34. Телюкова Т. И. Московская группа «Доверие» // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 326—335.
35. Умнова И. А. Право мира: философское и юридическое измерения/ РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исслед. отдел. правоведения. М.: 2011. 180 с.
36. Хайцман В. М. Гаагская конференция мира 1899 г. и идеи пацифизма // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 225—241.
37. Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // [Электронный ресурс]. Международные процессы. URL: http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
38. Цыганков А. П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? // Comparative politics. № 2(15). 2014. [Электронный ресурс] URL: http://mgimo.ru/files2/z10_2014/Andrei-Tsygankov_Russia-International.pdf, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
39. Эджертон У. Влияние учения Л. Толстого на мировое сообщество [Электронный ресурс]. URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/sborniki/2000_nonviolens/nonviolens_3.htm#2, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
40. Bilgin P. Critical Theory // Williams P. (Ed.) Security Studies: An Introduction. Routledge: NY, 2008. P. 89—102.
41. Bilgin P. Thinking past ‘Western’ IR? // Third World Quarterly. Vol. 29. N 1. 2008. P. 5—23.
42. Booth K. Theory of World Security. Cambridge University Press: NY, 2007. 516 p.
43. Buhaug H., Levy S. J., Urdal H. 50 Years of Peace Research: An Introduction to the Journal of Peace Research Anniversary Special Issue // Journal of Peace Research 2014, Vol 51(2). P. 139—144.
44. Galtung J. A Theory of Peace: Building Direct Structural Cultural Peace. Transcend University Press: 2012. 309 p.
45. Kokkonen J. The Border, the Finns and Russia in the Early Modern Age [electronic resource], URL: http://carelica.petrsu.ru/2013/Kokkonen.pdf (Дата обращения: 01.12.2015).
46. Lawler P. Peace Studies // Williams P. (Ed.) Security Studies: An Introduction. Routledge: NY, 2008. P. 73—88.
47. Neumann I. Discourse Analysis // Qualitative Methods in International Relations : A Pluralist Guide / A. Klotz, D. Prakash (eds.), New York: Palgrave Macmillan. P. 61–78.
48. Rasmussen M. V. The West, Civil Society and the Construction of Peace. Palgrave MacMillan: NY. 2003. 216 p.
49. Richmond O. P. Critical Research Agendas for Peace: The Missing Link in the Study of International Relations // Alternatives: Global, Local, Political, Vol. 32, No. 2, 2007. P. 247—274.
50. Richmond O. P. Peace: A Very Short Introduction. Oxford University Press: NY, 2014. 160 p.
51. Richmond O. P. Reconstructing the Liberal Peace // Ritterberger V., Budrich B. (eds.). Strategies for Peace: Contributions of International Organizations, States, and Non-State Actors. Barbara Budrich Publishers: Farmington Hills. 2008. P. 49—75.
52. Richmond O. P. The Dilemmas of a Hybrid Peace [Electronic resource]. URL: http://www.e-ir.info/2012/12/23/the-dilemmas-of-a-hybrid-peace/, свободный. (Дата обращения 01.12.2015).
53. Richmond O. P. Understanding the Liberal Peace [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/2974440/Understanding_the_Liberal_Peace, свободный. (Дата обращения: 01.12.2015).
54. Suthaharan N. Rampton D. The limits of hybridity and the crisis of liberal peace [Electronic resource]. URL: http://www.researchgate.net/publication/272011386_The_limits_of_hybridity_and_the_crisis_of_liberal_peace, свободный. (Дата обращения 01.12.2015).
55. Väyrynen T. Medical Metaphors in Peace Research: John Burton's Conflict Resolution Theory and a Social Constructionist Alternative [Electronic resource] // International Journal of Peace Studies, URL: http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol3_2/Vayrynen.htm, свободный. (Дата обращения: 01.12.2015).

REFERENCES

1. Alekseeva L. M. Civil Rights Movement [Dvizhenie za prava cheloveka] // Experience of non-violence in the 20th century [Opyt nenasiliya v XX stoletii: Sotsial'no-eticheskie ocherki] / ed by. R.G. Apresyan.

Moscow: Aslan, 1996. S. 182—203.
2. Military doctrine of Russian Federation [Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii] [Electronic resource]. URL: http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (accessed 14.12.2015).
3. Speech and Discussion at the Munich conference on international security policy [Vystuplenie i diskussiya na Myunkhenskoy konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti] (2007) [Electronic resource]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (accessed 14.12.2015).
4. Gorbachev M. S. Perestroika and New Political Thinking for our country and the whole world [Perestroyka i novoe myshlenie dlya nashey strany i vsego mira]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1988. 271 s.
5. Gromova E. A. Peace discource in the national socio-philosophical thought of the beginning of 20th century [Mirotvorcheskiy diskurs v otechestvennoy sotsial'no-filosofskoy mysli nachala XX veka] // Volgograd state university bulletin. Series 7: Phylosophy, sociology and social technology [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii.]. № 2. 2013. S. 143—150.
6. Treaty on Eurasian security: impetus for development of Russian-European relations [Dogovor o Evropeyskoy bezopasnosti: impul's k razvitiyu otnosheniy Rossii i Evropy] / ed. by M.V. Braterskiy and S.V. Kortunov. Moscow: MGUP. 2011. 200 s.
7. Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997.
8. Zhukov E. V. Ideological compat on issues of security and peace in contemporary circumstances [Ideologicheskaya bor'ba po voprosam voyny i mira v sovremennykh usloviyakh] // Military Thought [Voennaya mysl'] №6/1988. [Electronic resource]. URL: http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1988-vm/8224-ideologicheskaja-borba-po-voprosam-vojny-i-mira-v (accessed 14.12.2015).
9. Session of International discussion club “Valdai” [Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday»] (2014) [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/46860 (accessed 14.12.2015).
10. Ilyukhina R. M., Sdvizhkov D. A. Russian pacifism and Western peace-making at early XX century (beginnings and activity of Russian peace societies) [Rossiyskiy patsifizm i zapadnoe mirotvorchestvo v nachale XX v. (stanovlenie i deyatel'nost' rossiyskikh obshchestv mira)] Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. S. 179—201.
11. Kashnikov B. N. Pacifism, necessary war and terror. Three doctrines of Russian philosophical and legal thought [Patsifizm, neobkhodimaya voyna i terror. Tri doktriny russkoy filosofsko-pravovoy mysli] [Electronic resource]. URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1524 (accessed 14.12.2015).
12. Lavrov S. V.: Russian Federation will anchor the principle of non-intervention [Lavrov S. V.: RF zakrepit printsip nevmeshatel'stva vo vnutrennie dela stran // RIA news. [Electronic resource]. URL: http://ria.ru/politics/20151002/1295014616.html (accessed 14.12.2015).
13. Litovkin N. V. The simple difficulty of military spending [Slozhnaya prostota voennykh raskhodov] [Electronic resource]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-06-05/1_sipri.html (accessed 14.12.2015).
14. Makarychev A. S. Space characteristics of transnational security: conceptual approaches [Prostranstvennye kharakteristiki transgranichnoy bezopasnosti: kontseptual'nye podkhody [Electronic resource]. URL: http://www.policy.hu/makarychev/rus8.htm (accessed 14.12.2015).
15. Mal'kov V. I. Critisism of burgeuois concepts of “peace”: theoretical basis, political essence, social role: [Kritika burzhuaznykh kontseptsiy "mira": teoreticheskie osnovy, politicheskaya sushchnost', sotsial'naya rol']. L.: 1983. 405 s.
16. Mel'nikova L. V. Alexander I and creation of the Holy Alliance [Aleksandr I i sozdanie Svyashchennogo soyuza]. [Electronic resource]. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2008/Melnikova.pdf (accessed 14.12.2015).
17. Muntyan M. A. Basic theories of IR. A study guide [Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy. Uchebnoe posobie]. M: Izd-vo MABiU, 2006. 164 s.
18. Nikolaev N.Y. Leo Tolstoy and the Hague Peace Conference [L.N. Tolstoy i Gaagskaya mirnaya konferentsiya 1899 goda] //Volgograd state university bulletin. Series 4: History, Regional Studies. International Relations. 2010. № 2(18). S. 17—23.
19. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Glossary of Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. [Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy]. RAN. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: OOO «A TEMP». 2006. 944 s.
20. Oleynik A. N. Russian authority: construction of an ideal type [Russkaya vlast': konstruirovanie ideal'nogo tipa] // Political conceptology [Politicheskaya kontseptologiya] № 1. 2010. [Electronic resource]. URL: http://politconcept.sfedu.ru/2010.1/08.pdf (accessed 14.12.2015).
21. Pavlova T. A. “General peace-maker” (war, violence and revolution in the life and works of M. Voloshin) [«Vseobshchiy primiritel'» (tema voyny, nasiliya i revolyutsii v zhizni i tvorchestve M. Voloshina)] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v

religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. P. 245—261.
22. Pavlova T. A. Historic fates of Russian pacifism [Istoricheskie sud'by rossiyskogo patsifizma] // Issues of Phylosophy [Voprosy istorii]. № 8. 1999. S. 28—42.
23. Penzin A. V. “Lost World” or on decolonizing Russian social sciences [«Zateryannyy mir», Ili o Dekolonizatsii Rossiyskikh Obshchestvennykh Nauk] //Ab Imperio. № 3. 2008. S. 341—348.
24. Polynov M. F. New political thinking: emergence and basic ideas [«Novoe politicheskoe myshlenie»: vozniknovenie i osnovnye idei] // Society. Sphere. Development [Obshchestvo. Sreda. Razvitie] (Terra Humana). № 1. 2012. S. 84—89.
25. Polyakov E. M. Structural and direct armed violence: world tendencies and peculiarities [Strukturnoe i pryamoe vooruzhennoe nasilie: mirovye tendentsii i osobennosti Rossii] // Journal of Belgorod State Universit. Series: History, Political Science [Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika]. № 15 (186). 2014. S. 175—183.
26. Resolution of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. On acute problems of foreign policy of the Russian Federation [Postanovlenie Soveta Federatsii Federal'nogo sobraniya Rossiyskoy Federatsii. Ob aktual'nykh voprosakh vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii] [Electronic resource]. URL: http://council.gov.ru/activity/documents/56149 (accessed 14.12.2015).
27. Project of Treaty of European security [Proekt dogovora o evropeyskoy bezopasnosti] [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/6152 (accessed 14.12.2015).
28. Pushkarev L. N. Meditations on peace in Russian folklore and in social thought of XVII-XVIII centuries [Dumy o mire v russkom fol'klore i v obshchestvennoy mysli XVII-XVIII vv.] //Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. S. 57—72.
29. Rudnitskaya E. A. Peace ideas in Russian social thought of XIX century [Ideya mira v russkoy obshchestvennoy mysli XIX veka] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. P. 72—88.
30. Sakharov A. D. Open letter to President of the USSR Academy of Sciences, P. Alexandrov [Otkrytoe pis'mo prezidentu akademii nauk SSSR A. P. Aleksandrovu]. [Electronic resource]. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_40.html (accessed 14.12.2015).
31. Strategy of national security of Russian Federation until 2020 [Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda]. [Electronic resource]. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html (accessed 14.12.2015).
32. Sergunin A. A. Russian thought on foreign policy [Rossiyskaya vneshnepoliticheskaya mysl': problemy natsional'noy i mezhdunarodnoy bezopasnosti]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet imeni N.A. Dobrolyudova, 2003. – 94 s.
33. Stepanova E. Gosudarstvo i chelovek v sovremennykh vooruzhennykh konfliktakh [Electronic resource] // International Trends [Mezhdunarodnye protsessy"]. T.6. № 1. 2008, URL: http://www.intertrends.ru/sixteenth/003.htm (accessed 14.12.2015).
34. Telyukova T.I. "Trust" group in Moscow [Moskovskaya gruppa «Doverie»] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. S. 326—335.
35. Umnova I. A. Law of peace: Philosophic and legal dimensions [Pravo mira: filosofskoe i yuridicheskoe izmereniya]/ RAN INION. Tsentr sotsial. nauch. inform. issled. otdel pravovedeniya. Moscow: 2011. 180 s.
36. Khaytsman V. M. The Hague Peace conference of 1899 and ideas of pacifism [Gaagskaya konferentsiya mira 1899 g. i idei patsifizma] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. S. 225—241.
37. Tsygankov A., Tsygankov P. Crisic of idea of “Democratic Peace” [Krizis idei «demokraticheskogo mira»] [Electronic resource] // International Trends [Mezhdunarodnye protsessy]. URL: http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm (accessed 14.12.2015).
38. Tsygankov A.P. Russian IR Theory: What sould it be? [Rossiyskaya teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: kakoy ey byt'?]. [Electronic resource] // Comparative politics. № 2(15). 2014. URL: http://mgimo.ru/files2/z10_2014/Andrei-Tsygankov_Russia-International.pdf (accessed 14.12.2015).
39. Эджертон У. Влияние учения Л. Толстого на мировое сообщество [Electronic resource]. URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/sborniki/2000_nonviolens/nonviolens_3.htm#2 (accessed 14.12.2015).
40. Bilgin P. Critical Theory // Williams P. (Ed.) Security Studies: An Introduction. Routledge: NY, 2008. P. 89—102.
41. Bilgin P. Thinking past ‘Western’ IR? // Third World Quarterly. Vol. 29. № 1. 2008. P. 5—23.
42. Booth K. Theory of World Security. Cambridge University Press: NY, 2007. 516 p.
43. Buhaug H., Levy S. J., Urdal H. 50 Years of Peace Research: An Introduction to the Journal of Peace Research Anniversary Special Issue // Journal of Peace Research 2014. Vol 51(2). P. 139—144.
44. Galtung J. A Theory of Peace: Building Direct Structural Cultural Peace. Transcend University Press:

2012. 309 p.
45. Kokkonen J. The Border, the Finns and Russia in the Early Modern Age [Electronic resource]. URL: http://carelica.petrsu.ru/2013/Kokkonen.pdf (accessed 01.12.2015).
46. Lawler P. Peace Studies // Williams P. (Ed.) Security Studies: An Introduction. Routledge: NY, 2008. P. 73—88.
47. Neumann I. Discourse Analysis // Qualitative Methods in International Relations : A Pluralist Guide / A. Klotz, D. Prakash (eds.), New York: Palgrave Macmillan. P. 61¬—78.
48. Rasmussen M. V. The West, Civil Society and the Construction of Peace. Palgrave MacMillan: NY. 2003. 216 p.
49. Richmond O. P. Critical Research Agendas for Peace: The Missing Link in the Study of International Relations // Alternatives: Global, Local, Political, Vol. 32, No. 2, 2007. P. 247—274.
50. Richmond O. P. Peace: A Very Short Introduction. Oxford University Press: NY, 2014. 160 p.
51. Richmond O. P. Reconstructing the Liberal Peace // Ritterberger V., Budrich B. (eds.). Strategies for Peace: Contributions of International Organizations, States, and Non-State Actors. Barbara Budrich Publishers: Farmington Hills. 2008. P. 49—75.
52. Richmond O. P. The Dilemmas of a Hybrid Peace [Electronic resource]. URL: http://www.e-ir.info/2012/12/23/the-dilemmas-of-a-hybrid-peace/ (accessed 01.12.2015).
53. Richmond O. P. Understanding the Liberal Peace [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/2974440/Understanding_the_Liberal_Peace (accessed 01.12.2015).
54. Suthaharan N. Rampton D. The limits of hybridity and the crisis of liberal peace [Electronic resource]. URL: http://www.researchgate.net/publication/272011386_The_limits_of_hybridity_and_the_crisis_of_liberal_peace (accessed 01.12.2015).
55. Väyrynen T. Medical Metaphors in Peace Research: John Burton's Conflict Resolution Theory and a Social Constructionist Alternative [Electronic resource] // International Journal of Peace Studies, URL: http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol3_2/Vayrynen.htm (accessed 01.12.2015).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Среди зарубежных исследователей нет общего мнения касательно различия или синонимичности этих терминов. К примеру, П. Лоулер [46] использует термин «peace research» для описания позитивистских исследований мира, а «peace studies» — для постпозитивистских исследований. Однако большая часть ученых использует эти термины как взаимозаменяемые.

[2] См., например, [13]

[3] См., например, [14]

[4] До 1918 года слово «мир» с такими значениями имело написание «міръ»

[5] Более подробный анализ понятия «Запада» и его связи с миротворчеством представлен в работе М. В. Расмуссена [48; 1—4].

[6] Большинство теоретиков склонны основывать концепцию эмансипации на негативном видении свободы, а именно, в контексте избавления от излишних, социально-конструируемых ограничений [40; 100—101].

[7] Ранжируя методы и результаты миротворческих операций, Ричмонд выявляет 4 модели миротворчества: гиперконсервативную, консервативную, традиционную и эмансипационную. Если первая модель основана на применении силы, нарушении прав и навязывании институтов посредством гегемонии, то последняя представляет идеал миротворческой операции, в рамках которой позитивный мир достигается за счет сотрудничества местных, государственных и международных акторов [53].

[8] В данной статье под «Россией», в зависимости от временного периода, подразумеваются Киевская Русь, Российская Империя, РСФСР, СССР и Российская Федерация

[9] Основными дискурсами являются: мир как вынужденная мера из-за неспособности воевать; война и мир как равнозначные способы достижения целей; союз князей для успешной защиты от

иноземных вторжений; а также принцип, выраженный в древней поговорке «мир стоит до рати, а рать — до мира» [7; 11—18].

[10] Рамки статьи не позволяют детально рассмотреть проблемы эффективности упомянутых институтов и весьма актуальный вопрос о том, является ли на практике российская демократия «имитационной» или «управляемой».

[11] Согласно Л. М. Алексеевой, по причине плохой осведомленности советские правозащитники не могли заимствовать ни идеи международного движения за права человека, ни концепции представителей российской либеральной философии [1; 182].

[12] В данном предложении под «размышлениями о мире» подразумеваются взгляды на международные отношения.

Smirnova A. Problems of applying the concept of “liberal peace” in russian research // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2015. № 2. P. 17–33.

Problems of applying the concept of “liberal peace” in russian research

SMIRNOVA Alexandra

Lecturer,
Department of World History, Political Science and International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com

Keywords:
peace research
peace studies
paxology
irenology
Russia
liberal peace
Oliver Richmond
Johan Galtung
Russian approaches to peace

Summary:
This article explores the perspectives of applying the concept of “liberal peace” in order to analyze the peculiarities of Russian notions of peace. To this end the article contains a short description of peace studies development and peculiarities of contemporary peace researchers’ approach. The influence of eurocentrism and power relations upon the definition of peace and the methods of achieving it makes studying the concept of peace concept important. The “liberal peace” framework is one of the most relevant concepts of modern critical peace studies. This article focuses on O. Richmond’s concept of “liberal peace”, which contains “victor’s peace”, “constitutional peace”, “institutional peace” and “civil peace”. This article attempts to apply these concepts in order to analyze Russian political events, while highlighting the challenges and perspectives of searching for an alternative “Russian” approach to peace.